

УДК 821.161.1-31.09

Е. Ю. Перинец

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**Поэтика романа В. С. Маканина «Испуг»:
интертекстуальный и интермедиаальный аспект**

Перинец К. Ю. Поэтика роману В. С. Маканина «Испуг»: интертекстуальный та интермедиаальный аспект. У статті розглядається інтертекстуальний та інтермедиаальный аспект як складові поетики роману В. С. Маканина «Испуг» (2006). Включаючи в текст твору першокоди російської літератури, а також прийом автоцитатії, письменник пропонує свій авторський варіант «московського тексту». Культурологічний код, представлений відомими зразками світового мистецтва, залучає читача в постмодерністський світ-текст В. С. Маканина і змушує задуматися над аксіологічними орієнтирами на порозі нового тисячоліття.

Ключові слова: *інтертекстуальність, інтермедиаальність, постмодернізм, «московський текст».*

Перинец Е. Ю. Поэтика романа В. С. Маканина «Испуг»: интертекстуальный и интермедиаальный аспект. В статье рассматривается интертекстуальный и интермедиаальный аспект как составляющие поэтики романа В. С. Маканина «Испуг» (2006). Включая в текст произведения первокоды русской литературы, а также автоцитацию, писатель предлагает свой авторский вариант «московского текста». Культурологический код, представленный известными образцами мирового искусства, вовлекает читателя в постмодернистский мир-текст В. С. Маканина и заставляет задуматься над аксиологическими ориентирами на пороге нового тысячелетия.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интермедиаальность, постмодернизм, «московский текст».*

Perinets E. Y. The poetics of the novel V. S. Makanin "Ispug": intertextual and intermedial aspect. The article deals about intertextual and intermedial aspect of poetics as an element of the novel "Ispug" by V. S. Makanin (2006). Including the initial symbols of the Russian literature, as far as self-citation, the writer offers his own version of the "Moscow Text". Culturological code, represented by the most famous samples of world art, involves the reader in a postmodern text-world of V. Makanin and gives us food for thought about the axiological orientations on the threshold of a new millennium.

Keywords: *intertextuality, intermediality, postmodernism, "Moscow Text".*

Художественное наследие современного русского писателя Владимира Семеновича Маканина, будучи своеобразным и актуальным, красной нитью вплетено в канву литературного процесса. Непрерывающаяся полемика вокруг его творчества, поиск верных стратегий истолкования и понимания поэтики писателя составляют суть макановедения. На сегодняшний день его мастерство высоко оценено специалистами, о чем свидетельствуют Букеровская премия (1993), Пушкинская премия фонда А. Тепфера (Германия, 1988), Государственная премия РФ по литературе (1999), премия «Пенне» (Италия, 2000), премия «Большая книга», полученная за роман «Асан» в 2008 году.

Роман «Испуг» (2006) также стал заметным литературным событием, отражающий своеобразный этап творческих поисков прозаика. Произведение В. С. Маканина отмечено рецензиями и статьями известных критиков: А. Агеева [1], М. Амусина [2], В. Козлова [7], которые высоко оценили очередной творческий эксперимент писателя и доказали

его упрямое желание не укладываться в привычную схему. Литературоведческий анализ романа представлен в диссертации М. А. Вершининой [3], где рассматривается проблема автора и героев в произведении, а также в статье Д. А. Кливенковой [6], в которой сделана попытка обосновать причастность писателя к зарождающемуся новому направлению неореализма в литературе.

Проблема интертекстуальности и интермедиаальности в романе «Испуг» еще не стала объектом литературоведческого анализа, поэтому исследование подобных вопросов поможет приблизиться к постижению феномена макановедения. Эти явления в статье будут рассматриваться как слагаемые знаково-символьного поля «московского текста», в матрице которого актуализируются сакрально-архетипичные первокоды, а также находят воплощение постмодернистский мир-текст самого В. С. Маканина. Выявление и осмысление интертекстуального и интермедиаального вектора в художественной ткани романа

«Испуг» в рамках «московского текста» определяет цель и задачи данной работы.

О. Л. Калашникова, исследуя подобные проблемы в прозе В. С. Маканина 90-х годов [4; 5], приходит к выводу, что «задолго до того, как прозвучало магическое и ныне модное слово «интертекстуальность», ставшее теперь одним из опознавательных знаков постмодернизма, маканинский художественный дискурс определился как интертекстуальный» [5:2]. Сложные отношения этой категории внутри текста писателя фиксируются исследователем: «Ощущая мир как постоянное повторение себя же, автоцитату, Маканин постулировал собственное творческое «Я» через сложную систему отношений с «чужими текстами», созидавая на глазах читателя «генотекст» как «одну большую цитату» (определение, данное постмодернизму Умберто Эко), рождая особый мирообраз как некий аналог текста» [5:2].

Проза 2000-х годов продолжает намеченную стратегию интертекстуальности, вовлекая читателя в постмодернистскую игру и имплицитно сохраняя связь с предшествующим творчеством В. С. Маканина.

В романе «Испуг» актуализируются хрестоматийные литературные мифы, которые прочно вошли в национальное культурное бессознательное, поэтому они легко узнаются в тексте произведения. Не новым оказывается гоголевский образ маленького человека (заявленный еще в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени»), именем-знаком которого названа одна из глав «За кого проголосует маленький человек». В другой главе во время блужданий по Белому дому Алабин проецирует на себя этот облик:

Кто я был для них? Тронувшийся старик чиновник?.. Акакий Акакиевич, спятивший от долгого кабинетного усердия под дулами танков [8:291].

Пребывание Алабина в психиатрической больнице напоминает такой же сюжет из главы «Палата номер раз» («Андеграунд, или Герой нашего времени»). Читателю вряд ли понадобится дешифровка, чтобы узнать знакомые чеховские мотивы. Продолжая эту параллель, герой «Испуга» (сосед Алабина в лечебнице) Чижов своей внешностью напоминает Антона Павловича:

Чижов деликатен. Чижов — высок, худ, с небольшой седенькой бородкой и в очках. Он похож на Чехова, уже ялтинского. Все

понятно. Школьный учитель, конечно, знает о себе и о Чехове... И возможно, культивирует эту свою похожесть. Так что он гуманен, мягок, человечен [8:119].

Возникают в произведении достаточно узнаваемые аллюзии из стихотворения Н. С. Гумилева «Воин Агамемнона», когда старики во время сеанса у доктора рассматривают молодую девушку с искалеченной ногой. В восхищении перед ее юностью и красотой Чижов произносит фразу «Сказка в изгибе колен», которой М. А. Вершинина уделила особое внимание в своей работе. Исследователь считает, что сквозной мотив стихотворения Гумилева накладывается и на ситуацию в романе В. С. Маканина, когда старик Алабин (по аналогии с воином из первоисточника), «глядя на юную девушку, испытывает невыразимую боль от невозможности помочь встать на ноги «новой России»» [3:24].

Самохарактеристика Алабина, иронично называющего себя «лунным Пьеро», перекликается с классическим образом несчастного влюбленного. Достаточно вспомнить драму А. А. Блока «Балаганчик» или цикл стихотворений бельгийского поэта Альбера Жиро под названием «Лунный Пьеро». Примечательно, что в Московском Парке Искусств на Крымской набережной установлена скульптура Пьеро.

Прием автоцитации включает в смысловое поле текста романа «Испуг» мотивы предшествующего творчества В. С. Маканина, подобно нити связывающей воедино узел злободневных проблем. В кабинете доктора «из темной воды прошлого» они вылавливали, выуживали подробности моей жизни» [8:291], — признается Алабин. «Темные воды, полные чужести и холода» возникают в «Гражданине убегающем» и связаны с образом Костюкова, который всю жизнь совершал «убег» от родных и знакомых людей, подобно тому, как Алабин «отодвинулся» от своей семьи. Повторяющийся мотив «убега» позволил А. Агееву применить его не только к текстам писателя, но и к художественным поискам прозаика (после выхода романа «Испуг»), потому что ««гражданин убегающий» — типовая ситуация многих вещей Маканина и, видимо, его творческой судьбы» [1].

Как видим, интертекстуальный аспект приглашает читателя в своеобразный диалог разных эпох и времен, а набор культурных мифов и знаков сводится «к некоему культурному трафарету, легко узнаваемому всеми» [5:5].

Интермедіальність (термин О. Хансен-Леве) как наличие в художественном тексте образных структур, которые содержат культурную информацию о другом виде искусства [9:16–17], включает интертекстуальность в свою структуру. Как элемент поэтики постмодернизма интермедіальные категории насыщают текст романа «Испуг».

В известных произведениях искусства, представленных на страницах произведения, также заключен некий код культуры, — это картины Жана Антуана Ватто «Сатир и испуганная нимфа», Франса Ваутерса «Сатир и нимфа», Рубенса «Нимфы и сатиры», Уильяма Этти «Спящая нимфа и сатиры», Пуссена «Сатир и нимфа». Подобная тема актуализирует рассказанную в романе мифологему о сатире Марсии, наказанного Аполлоном за дерзость. Примечательны образцы маканинского словотворчества — сатирмэн и нимфетка, которые сниженными коннотациями дистанцируются от классических первоисточников. Этот мотив переходит в комический эпиграф к главе «Мои воровские ночи» строчками из песни Б. Гребенщикова: «Сползает по крыше старик Козлодоев...» [8:201].

Интермедіальность как характерная черта художественного метода В. С. Маканина, по словам О. Л. Калашниковой, «не становится способом деконструкции, а скорее центрирует, углубляет картину действительности через ее разнознаковое умножение, заставляя в который раз задуматься над своеобразием русского постмодернизма вообще и маканинского «неправильного» творчества, в частности» [4:49].

Культурологический код, содержащийся в романе «Испуг», вовлекает читателя в постмодернистский мир-текст и текст-автоцитату самого В. С. Маканина. Классические сюжеты и темы трансформируются и наполняются новым смыслом, который диктует современность. В синкретичном соединении подобных архетипических формул можно выделить и «знаки», вошедшие в структуру «московского текста» русской литературы, — гоголевские и чеховские мотивы. Осмысление этих ключевых формул, их настойчивое повторение в других произведениях, позволяет выявить не только своеобразие и специфику авторского варианта «московского текста», но и его эволюцию. Интертекстуальность и интермедіальность оказываются под пером писателя постмодернистским «инструментом», который дает возможность извлечь из знаково-символьного комплекса, относящегося к Москве, сакральные категории и применить их к другому времени и обстоятельствам.

Эти же аспекты маканинского текста, актуализируя культурологические (и московские, в частности) «знаки», подчинены тенденциям и запросам современного времени, но неизбежно возвращают читателя к аксиологическим ориентирам классической литературы. Подобные приемы помогают писателю фиксировать и осмыслять новые процессы и тенденции внутри общества, города, страны, перманентно регистрировать проблему поколений, семейных отношений и поисков «я» героев. В. С. Маканин обладает художественным чутьем точно фиксировать эти процессы, потому что он «один из самых тонких и глубоких прозаиков последних десятилетий» [1].

Литература

1. Агеев А. Гражданин убегающий [Электронный ресурс] / А. Агеев // Новый мир. — 2007. — № 5. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/aa17.html
2. Амусин М. Панацея от испуга / М. Амусин // Вопросы литературы. — 2010. — № 1. — С. 105—124.
3. Вершинина М. А. Автор и герой в прозе В. С. Маканина 1990–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / М. А. Вершинина. — Волгоград, 2011. — 27 с.
4. Калашникова О. Л. Интермедіальные опыты русского постмодернизма: В. Маканин / О. Л. Калашникова // Літературний процес : методологія, імена, тенденції : зб. наук. праць (філол. науки) — К. : Київ. ун-т ім. Б. Грінченка, 2012. — № 1. — С. 45—49.
5. Калашникова О. Л. Мифы В. Маканина и культура постмодернизма / О. Л. Калашникова // Русский язык и литература в учебном заведении. — 2002. — № 3. — С. 2—5.
6. Кливленкова Д. А. Черты неореализма в романе В. С. Маканина «Испуг» / Д. А. Кливленкова // Современная филология (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, январь 2013 г.). — Уфа : Лето, 2013. — С. 31—34.

7. Козлов В. Экзистенциальный задачник : Владимир Маканин / В. Козлов // Вопросы литературы. — 2010. — № 1. — С. 84–103.
8. Маканин В. С. Испуг / В. С. Маканин. — Москва : Гелеос, 2006. — 416 с.
9. Тишунина Н. В. Интермедальность: к определению границ понятия / Н. В. Тишунина // Тезисы I Междунар. конференции «Литература в системе искусств: методология междисциплинарных исследований» (23–25 марта 2000 г.). — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. — 2000. — С. 16–18.

УДК 811.58(063)+821.58.09(063)

А. В. Калашникова

Днепропетровский национальный университет

**Стратегия «присвоения»
в интертексте «Китайского путешествия» Ольги Седаковой**

Калашникова А. В. Стратегія «присвоєння» в інтертексті «Китайської мандрівки» О. Седакової. У статті досліджується особлива природа міжлітературного діалогу в «Китайській подорожі» О. Седакової. Здійснено спробу показати, що для О. Седакової головною формою творчої рецепції інокультурної традиції (поезії Лі Цінчжао) стає «привласнення».

Ключові слова: рецепція, інтертекст, міжлітературний діалог, інокультурна традиція.

Калашникова А. В. Стратегия «присвоения» в интертексте «Китайского путешествия» О. Седаковой. В статье исследуется особая природа межлитературного диалога в «Китайском путешествии» О. Седаковой. Предпринята попытка показать, что для О. Седаковой главной формой творческой рецепции инокультурной традиции (поэзии Ли Цинчжао) становится «присвоение».

Ключевые слова: рецепция, интертекст, межлитературный диалог, инокультурная традиция.

Kalashnikova A. V. The strategy of “appropriation” in the inter-text of “Chinese travel”. This article examines the special nature of the interliterature dialogue of O.Sedakova’s «Chinese trip». An attempt was made to show that for O. Sedakova the «appropriation» becomes the main form of the creative perception of foreign cultural tradition (Li Qingzhao’s poetry).

Keywords: perception, intertext, interliterature dialogue, foreign cultural tradition.

Путь Ольги Седаковой, одной из самых ярких и глубоких современных русских поэтесс к лирике средневековой «китайской Сафо» Ли Цинчжао не был прямым.

Седакова, творящая не только свой поэтический мир, но и мир своих поэтических переводов, составивших отдельный (третий) том в четырехтомном собрании ее сочинений 2010 г., не занималась непосредственно переводами лирики Ли Цинчжао. Однако это не отменяет поэтический диалог с китайской поэтессой в творчестве Ольги Седаковой.

В ее восприятии китайской лирики главным стало прикосновение к особому мироощущению древнего Китая, отраженному в китайской философии, литературе, живописи. Знакомство с Китаем и его литературой у Седаковой состоялось через не прямые кон-

такты. Как переводчик Эзры Паунда Седакова узнает классическую китайскую поэзию как бы через двойное посредничество: переводы стихотворений Паунда по мотивам китайской классической лирики в переводе А. Кистяковского. Появление «Китайского путешествия» О. Седаковой в 1986 г. после публикации «Поднебесной» Э. Паунда (1982 г.) отражает не только знания самой поэтессы о Китае, но ее ощущение Китая, рожденное взаимодействием с китайской духовно-поэтической традицией.

«Китайское путешествие» О. Седаковой исполнено скрытого диалога с китайской культурой. Исследование этого произведения русской поэтессы в компаративном аспекте только началось. Интересная попытка изучения специфики литературного взаимодействия О. Седаковой с китайской духовно-поэти-